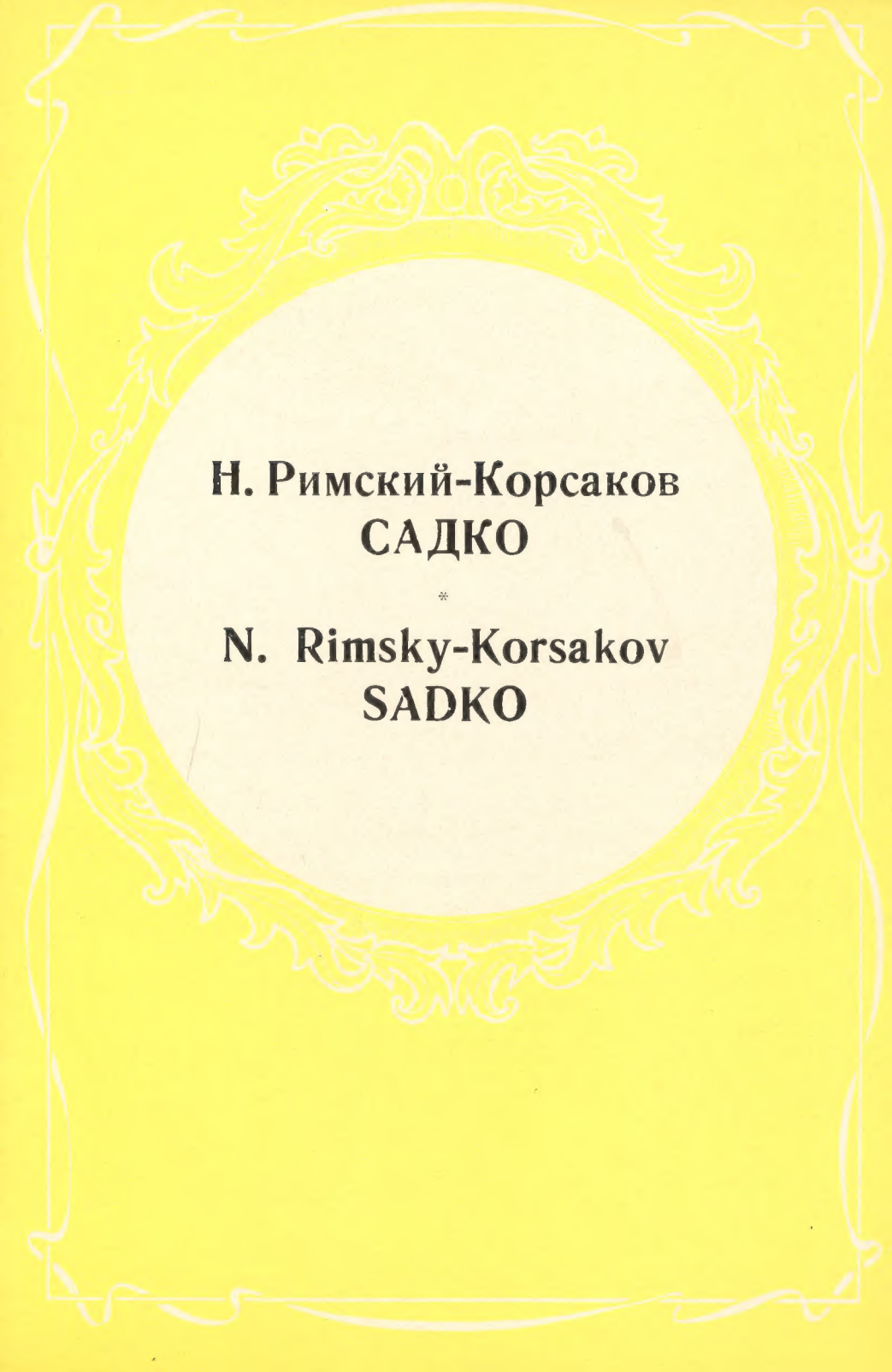

Н. Римский-Корсаков
САДКО

✱

N. Rimsky-Korsakov
SADKO

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
(1884—1908)

САДКО

Опера-былина в 7 картинах

В 1867 году Н. Римский-Корсаков написал симфоническую пьесу — музыкальную картину «Садко» на сюжет древней новгородской былины. Спустя почти три десятилетия он вновь обратился к былине о Садко, воплотив ее образы в опере того же названия.

Работа над оперой-былиной (такой подзаголовок дал «Садко» Римский-Корсаков) началась летом 1894 года и длилась более двух лет. Осенью 1896 года Римский-Корсаков закончил партитуру оперы-былины. Ее сценическая премьера состоялась 26 декабря 1897 года в московском оперном театре С. И. Мамонтова.

В либретто оперы использованы различные варианты былины о смелом новгородском мореплавателе Садко, а также сюжетные мотивы былины о Волхе Всеславиче, сказки о Москов Царе и Василисе Премудрой и некоторые другие образы древней русской поэзии. Действие оперы-былины происходит, как сообщает композитор, «в полусказочную-полуисторическую эпоху только что водворившегося в Новгороде христианства, когда старые языческие верования были еще в полной силе».

Назвав «Садко» оперой-былиной, Римский-Корсаков указывает не только на сюжет, заимствованный из русского эпоса. И драматургия, и музыкальная речь «Садко» соответствуют эпическому замыслу оперы. Неторопливо, как в народном сказании, перед слушателем проходят сцены из жизни древней Руси, сменяют друг друга сказочные чудеса. Оригинальная черта «Садко» — широкое применение особого рода речитатива, о котором Римский-Корсаков пишет: «Речитатив этот — не разговорный язык, а как бы условно-уставный былинный сказ или ролепес...».

В «Садко», как и во всех своих сказочных операх, Римский-Корсаков использует разные музыкальные средства для обрисовки жизни людей и ска-

зочного мира чудес. Новгородский быт в «Садко» — это народно-былинный говор, отзвуки народных песен. Волшебный подводный мир — царство изысканных звучаний, колоритного оркестрового письма. При всей контрастности в музыкальной обрисовке земного мира и чудес подводного царства Римский-Корсаков достигает в «Садко» редкой музыкальной цельности.

«ОКИЯН-МОРЕ СИНЕЕ». Вступление

Музыка вступления вырастает из лейтмотивов моря. Слушая вступление, легко представить себе, как мерно, неторопливо, спокойно вздымаются волны. Но это спокойствие полно скрытой силы: кажется, вот-вот поднимется буря, и водная стихия предстанет во всей своей грозной мощи.

Картина первая. В богато украшенных хорах, за дубовыми столами, уставленными яствами и напитками, собрались именитые гости торговые. Среди них — первые в городе люди, настоятели новгородские — Фома Назарьич и Лука Зиновьич. Радостно-торжественный хор торговых гостей славит вольность новгородскую. Гуслир из Киева Нежата под переборы гуслей поет былинну о киевском богатыре Волхе Всеславьиче. Величая речь Нежаты — пример того былинного речитива, о котором говорит Римский-Корсаков.

Гости благодарят киевского гуслира. Но кто же споет про Новгород и его богатство? Входит новгородский гуслир Садко. Вот кто споет торговым гостям про славу Новгорода и про их «бессчетну золоту казну». Но не для того пришел Садко к торговым гостям, чтобы воспевать их богатство.

Давно задумал Садко великое дело: пройти морским путем в дальние страны, нагрузив корабли русскими товарами. Труден этот путь. Не было тогда у Новгорода судоходной реки. Чтобы снарядить корабли, нужна «золотая казна». Ее нет у бедного гуслира, зато ею владеют богатые гости новгородские. К ним и обращается Садко за помощью.

Речь Садко, сохраняя былинную размеренность, взволнованна и горяча.

Надменные гости не хотят слушать Садко, не хотят следовать его советам. «Живет Новгород по-старинному», и не Садко менять дедовские порядки. Садко, видит, что напрасно он делился заветными думами с торговыми гостями, не найдут у них поддержки его смелые замыслы. Садко решает, что не будет он больше петь на пирах новгородских, а будет складывать свои песни для Ильмень-озера да речек светлых. После ухода Садко продолжается веселье. Дуда, Сопель и другие скоморохи пляшут и поют, издеваясь над Садко, которому теперь остается только «рыбам песни петь».

Картина вторая. Светлая ночь. Берег Ильмень-озера. На берегу бел-горюч камень. Настороженная, трепетная музыка короткого оркестрового вступления рисует поэтический ночной пейзаж и вместе с тем вводит в атмосферу «волшебного», говорит слушателю о предстоящих чудесах.

Входит Садко и садится на бел-горюч камень. В песне «Ой, ты, темная дубравушка» он жалуется озеру на свою судьбу. И как будто в самом деле Ильмень-озеро услышало жалобу Садко. Зашумели тростники, всколыхнулись

воды озера, и Садко видит плывущую стаю белых лебедей и серых утиц. Они оборачиваются красными девицами и выходят на берег. Это Волхова, прекрасная морская царевна, с сестрами и подружками. Музыка, как бы переливающаяся разными красками, рисует сказочное зрелище — чудесное появление Волховы.

Давно уже заслушивалась Волхова песнями гуслира, которые она слышала из глубин Ильмень-озера. И теперь Волхова просит гуслира спеть веселую песню. Садко запекает хороводную, сестры Волховы водят хороводы, а Волхова садится рядом с Садко и плетет ему венок. Дуэт Садко и Волховы — взаимное признание в любви.

Близится рассвет. Прежде чем расстаться с Садко, Волхова оставляет ему волшебный подарок: закинет Садко сети в Ильмень-озеро, поймает трех рыбок-золото перо. Садко уходит, а красны девицы снова оборачиваются белыми лебедями и серыми утицами.

Картина третья. Светлица в тереме Садко. Раннее утро. У окошка молодая жена Садко — Любава Буслаевна. Всю ночь ждала она мужа, но вот уж и к обедне отзвонили, а его все нет. Забыл видно Садко Любаву, не о ней он думает. Глубокая печаль слышится в словах Любавы. Но вот, глядя в окошко, она видит возвращающегося Садко и радостным возгласом встречает вошедшего в светлицу мужа. Но Садко отстраняет Любаву — он полон воспоминаний о минувшей ночи. О ней напоминает и музыка: в оркестре звучат темы Волховы и ее спутниц. «Ночка душистая... Шелест камышей... Белые лебеди... Чудная девица», — говорит как будто про себя Садко. Любава дивится этим странным речам. Вспомнив обещание Волховы, Садко решает пойти на торговую площадь и биться об заклад, что есть в Ильмень-озере рыбки-золото перо.

Картина четвертая. Начало четвертой картины рисует уличную жизнь древнего Новгорода. Пестрая толпа наполняет торговую площадь около пристани. Новгородский люд окружает чужеземных гостей, рассматривает привезенные ими диковинные товары. Оживленная музыка передает суетливое движение толпы. Калики перехожие поют сурово-мрачные стихи о споре Правды с Кривдой. Их перебивают скоморохи, с шутками, прибаутками, с веселым плясовым мотивом. Появляются настоятели, приветствуя новгородцев. Нежата, перебирая гусли, славит Новгород. Все это создает яркую колоритную музыкально-сценическую картину.

В разгар веселья на торговую площадь входит Садко. Общий хохот встречает дерзкого гуслира, вздумавшего учить богатых купцов. Смело обращается Садко к настоятелям: «Знаю я про чудо чудное, есть в Ильмень-озере рыба-золото перо». Не верят настоятели гуслиру. Садко предлагает биться о велик заклад: он заложит свою буйну голову, настоятели — лавки с красными товарами. Настоятели принимают вызов Садко: никто не видел в Ильмень-озере золотых рыбок.

Снаряжают лодку. Настоятели, Садко и несколько новгородцев отъезжают от берега, закидывают сети. Из озера слышится голос Волховы: «Поймаешь рыбок золотых, богат ты будешь и счастлив.» Вытаскивают сети, и Садко

вынимает три рыбы-золото перо. Но чудеса еще не кончены: весь улов на глазах толпы превращается в слитки золота.

Народ славит Садко. Из толпы, по призыву Садко, выходит его дружина, которая готова отправиться вместе с Садко в полное опасностей путешествие. Гусляр Нежата складывает новую былинну о Садко и о чуде на Ильмень-озере. Скоморохи, только что насмехавшиеся над Садко, теперь издеваются над настоящими, ставшими последними бедняками. Однако великодушный Садко возвращает настоятелям их лавки.

Пока дружина снаряжает корабли, Садко просит иноземных купцов рассказать об их странах. О своей угрюмой северной родине рассказывает Варяжский гость. Зачаровывающая песня индийского гостя с отзвуками прихотливых восточных напевов рассказывает о чудесах далекой Индии. О славном городе Веденце (Венеции) поет в своей светлой, радостной песне («Город прекрасный, город счастливый») Веденецкий гость.

Настает час отъезда. Садко прощается с новгородцами, с Любовью и запевает песню «Высота, ли, высота поднебесная». Песню подхватывают дружина Садко и народ новгородский. Один за другим уходят корабли, а песня «Высота» звучит все с большей мощью, завершая сцену могучим гимном, прославляющим величие моря.

Картина пятая. Спокойная ширь моря. Корабль Садко остановился с нависшими парусами. Дружина Садко поражена: все корабли бегут с полными парусами, и только корабль Садко остается неподвижным. Не помогают и жертвы Царю Морскому — в море брошены бочки с серебром, золотом и жемчугом. Видно, иная — человеческая жертва нужна Царю Морскому. Дружина готовит жребии, вырезая из них свои имена. Для Садко дружина выбрала особый жребий — хмелевое перо. Как камень потонуло легкое перо. Садко понимает, что он должен спуститься в море, что его ждет царевна Волхова. Он прощается с дружиной, берет гусли и остается среди моря на дубовой доске. Новое чудо: тотчас же наполняются паруса, корабль трогается с места и скрывается в ночном сумраке, а Садко опускается в морскую бездну.

Картина шестая. Из тьмы постепенно выступает прозрачный лазоревый подводный терем. Царь Морской с Царицей сидят на престолах. Волхова прядет пряжу, подруги ее плетут венки из морской травы и цветов.

На раковине спускается в подводное царство Садко. Сурово встречает его Царь Морской: двенадцать лет Садко путешествовал по морям и не платил ему дани, но Волхова смягчает гнев отца. Морской Царь просит Садко показать его искусство. Садко играет на гуслих и поет величальную песню.

Понравилось Морскому Царю пение Садко. Он решает тут же выдать замуж за него свою младшую дочь и созывает на свадьбу подводное царство. Садко, по просьбе царя, играет плясовую. Сначала размеренная, спокойная, пляска становится все оживленнее. Наконец, пускается в пляс Морской Царь с Царицей. От неистовой пляски поднимается буря на поверхности моря. Сквозь прозрачные стены терема видны тонущие корабли. В разгар бешеной пляски появляется Старчище могуч-богатырь. Ударом свинцовой палицы он выбивает гусли из рук Садко — пляска мгновенно прекращается. Морского

Царя Старчище лишает власти над морем, а Садко и Волхове приказывают подняться на поверхность моря. Отзвуками темы Окиян-моря синего заканчивается шестая картина.

Картина седьмая. На берегу Ильмень-озера спит Садко. Склонившись над ним, Волхова поет ему печальную колыбельную песню. («Сон по бережку ходил»). Колыбельная Волхова тепла, человечна, полна глубокой любви к Садко. По велению Старчища Волхова жертвует собой ради счастья Садко и его родного города: рассеивается утренним туманом и превращается в реку.

Садко пробуждается и слышит голос Любавы. Чары царства подводного потеряли свою власть над Садко, и он радостно встречает жену. По реке Волхове идут корабли Садко. Дружина сходит на берег. Дружинники и народ новгородский приветствуют Садко. Садко рассказывает о своих странствиях, о подводном царстве, о Старчище могуч-богатыре, который усмирил бурю, лишил власти Морского Царя и дал Новгороду судоходную реку. Славой Старчищу могучему, морю синему и Волхове-реке заканчивается опера-былина.

В форме наивной на первый взгляд сказки Римский-Корсаков создал произведение глубокого идейного замысла. Смело выступая против косных сил, не боясь грозящих им опасностей, Садко с дружиной прокладывает новые пути в дальние страны, столь нужные родному городу. В образах Садко и его дружины Римский-Корсаков олицетворяет любовь к Родине — любовь деятельную, побеждающую все препятствия.

N. RIMSKY-KORSAKOV
(1844—1908)

SADKO

An epic Opera in Seven Scenes

Rimsky-Korsakov wrote on the basis of an ancient Novgorod epic a symphonic piece "Sadko" in 1857. Only 30 years later did he again address himself to this epic to write his now-famous opera "Sadko".

He started this epic opera, as he called it, in the summer of 1894, it taking him more two years to complete it. The score was finished in the autumn of 1896 and it was first produced on December 26, 1897 by the Mamontov Opera Theatre in Moscow.

The text of "Sadko" incorporates several variants of the epic about the hardy Novgorod mariner Sadko as well as plot elements from the Saga of the ancient Russian heroknight Volkh Vseslavich, and fairy-tales about the Sea King, Vasilisa the Wise and some other personages of old Russian narrative poetry. The action of the opera, as the composer himself notes, takes place in the "half-fantastic, half-historic epoch of early Christianity in Novgorod when the old pagan beliefs still held full sway".

By calling "Sadko" an epic opera Rimsky-Korsakov meant more than the plot, which he borrowed from Russian epic poetry. Both in its dramatical and musical aspects, the opera accords with its conception as an epic piece. We are treated to a slowly unwinding kaleidoscope of glimpses drawn from the life of ancient Russia and a sequence of fabulous wonders — with the entire narrative conforming in manner to the style of a folk epic.

An original feature of the opera is the extensive use made of a peculiar kind of recitative, or declamation, about which the composer himself says that this is "not the spoken language but a kind of conventional, epicmannered narrative of musical declamation".

In "Sadko" as in all of his fantastic operas, Rimsky-Korsakov draws upon varied means of expression to depict the life of real human beings and the

wonderland of fairy-tale. In the opera the life of the townsfolk of Novgorod and its spirit is conveyed through the medium of a vernacular close in style to narrative poetry and also through the judicious use of folk songs. Meanwhile, the magic world of the ocean depths is a domain of refined idiom and colourful orchestration. Despite all the contrasts in the portrayal of the world of the real and the world of the supernatural, in "Sadko" Rimsky-Korsakov achieves an integrity of composition that is seldom to be met.

The "Blue Seas". Introduction.

Here the music centres on the leit-motif of the sea, faithfully conveying its unhurried flow and lapping waves. This, however, is but an outward serenity; one senses the mighty dormant elements deep down that may at any moment lash forth in frenzy.

Scene One. Haughty merchants are gathered in a sumptuous hall around sturdy oak tables groaning with all manner of good and drink. Among them are the city elders, Foma Nazarych and Luka Zinovich. The chorus of merchants strikes up a jubilant and solemn paean of glory to the free city of Novgorod.

To the accompaniment of his psaltery the Kiev minstrel Nezhata relates the epic of Volkh Vseslavich, a hero of his home town. His grandiloquence well exemplifies the epic recitative which Rimsky-Korsakov meant.

The merchants thank Nezhata but who, they wonder, will sing of Novgorod and its great wealth? Sadko, the Novgorod minstrel and player of the psaltery, steps forth. Here, the merchants think, is the man who will sing to them of the glory of Novgorod and its untold wealth. But Sadko has not come to this feast to praise the opulence of the merchants.

Instead he tells the merchants of his grand project to set sail for distant climes and open new markets for Russian wares. This will be a grim and arduous journey, all the more since Novgorod had no navigable river then. Moreover, to charter ships gold is needed. Sadko himself is poor and so he asks the rich merchants of Novgorod to provide the money. He makes an impassioned address, which however, retains the unhurried lilt of narrative poetry.

The arrogant merchants turn a deaf ear to his entreaties and counsel. "The city of Novgorod will continue to live as always", they shout. It is not for Sadko to change the customs ordained by their ancestors.

Sadko sees that it is futile to confine his cherished dreams to the merchants as no support for his daring projects will be forthcoming. He makes up his mind to never sing again at feasts in the city of Novgorod, but to address his songs to Lake Ilmen and the clear rivers and streams. Sadko retires. The merry-making continues. Duda, Sopel and other jesters dance and sing, gibing at Sadko, who now can do nothing else than to "sing his songs to the fish".

Scene Two. A moonlit night. The shore of Lake Ilmen. A white rock stands on the shore. The spirit of mystery expressed in the brief orchestral introduction conveys in a lyrical poetic manner the idea of nightbound scenery and at the same time tells us that a world of magic and wonder is nigh.

Sadko enters and perches himself on the white rock. In a song "Oh, Dark Green Woods of Mine", he complains to the Lake of his lot. The Lake seems

to respond. The rushes whisper, the hitherto placid waters ripple and Sadko sees floating towards him a flock of white swans and grey ducks. They transform themselves into beautiful maidens and step ashore.

This is Volkhova, the lovely daughter of the Sea King, with her sisters and retinue. The music scintillates as it introduces the Sea Princess.

Down in the depths of Lake Ilmen the Princess has often heard Sadko play. She is delighted with his music and now asks Sadko to sing a merry song for them. He strikes up a reel. As the other princesses dance, Volkhova seats herself beside Sadko and plaits a wreath for him. The two break into a duet in which they confess to their love for each other.

Dawn draws nigh. Before parting the Princess of the Sea presents Sadko with a magic gift. She directs him to cast his net into the Lake and catch three little fishes with golden scales.

Sadko retires. The beautiful maidens again transform themselves into white swans and grey ducks.

Scene Three. A room in Sadko's house. It is early morning. Sadko's young wife Lyubava Buslayevna is leaning out of the window. She has sat up all night, waiting for her husband to appear. Though the bells have tolled for morning prayers, he is still absent. She begins to think he has forgotten her and falls sad.

She peers through the window once again and sees Sadko returning. With cries of joy she throws herself on her husband's neck. However Sadko waves her aside: he is fully under the spell of his adventures of the previous night. The music echoes the theme of the Sea Princess and her retinue. "A night of fragrance the whisper of the rushes, white swans and a lovely maiden" Sadko exclaims in a trance. Lyubava is amazed by his queer actions. Recalling the Sea Princess's promise, Sadko says he will go down to the city mart and lay a wager that there are fishes golden scales in Lake Ilmen.

Scene Four. A street scene of ancient Novgorod. A motley-clad crowd throngs the mart near the port. The townsfolk gather around the foreign merchants and examine the exotic wares they are displaying. The lively music conveys the fuss and pother of the crowd.

Meanwhile wandering pilgrims chant in austere and gloomy tones a song of the combat between Truth and Lie. Their singing is interrupted by the jesters, who hop and dance merrily and crack jokes.

The city elders appear and greet the crowd. Plucking at his instrument, the minstrel Nezhata sings of the glory of Novgorod. This all gives a bright and colourful scene. Merriment is at its height when Sadko enters the mart. He is met with jeering by the crowd, who taunt this arrogant psaltery player making so brave as to deliver a homily to the rich merchants.

Sadko boldly addresses the city elders. "I know of a wonder", he declares. "In Lake Ilmen there are fish with golden scales". The elders do not believe him. He is scoffed at. To silence this he wagers his head against all the riches of the elders that he will catch these fish. His challenge is accepted. Nobody has ever seen golden-scaled fishes in Lake Ilmen before.

The city elders, Sadko and several other merchants board a boat and row out to the middle of the Lake. Here Sadko casts his net. Heard coming from the depths of the Lake is the voice of the Sea Princess. She sings: "You will catch your golden fishes and you will be rich and happy". Sadko daws in his net and takes out three glittering fishes. But there are still more wonders to come. Before the eyes of the amazed crowd, the fishes are magically transformed into bars of gold.

The townsfolk make a hero of Sadko. From the crowd he summons forth a troop of brave men, who are ready to cast in their lot with him and strike out on a journey full of danger and peril. The Kiev minstrel Nezhata, composes a new epic to honour Sadko and the marvel of Lake Ilmen. The jesters no longer taunt Sadko. Now they make a mockery of the city elders who have become the poorest of the poor. However, Sadko generously returns their riches.

As the ships are being got ready, Sadko begs the foreign merchants to tell him of their lands. The Norseman relates of his bleak northern clime. Then in a charming song, and echoing languorous Oriental melody, the Indian merchant describes the marvels in his distant land. The Venetian merchant sings of the glorious city of Venice in his gay song "City of beauty and good fortune".

The hour of departure arrives. Sadko bids farewell to the people of Novgorod and to his wife Lyubava. He strikes up the song "High in the Skies". It is caught up by his troop and the populace. One by one the ships set sail. Meanwhile the song gathers in power, culminating in a mighty anthem glorifying the grandeur majesty of the ocean.

Scene Five. The sea is placid. On Sadko's ship the sails droop. Sadko's men are amazed. All the other ships are racing on with full sail. Only Sadko's ship is becalmed. Sadko and his companions empty barrels of gold, silver and pearls into the sea as a peace offering to the King of the Ocean but with no results. Apparently, the Sea King will be content only with a human sacrifice.

Sadko and his companions prepare lots and carve out their names on them. Sadko's lot is a feather. Still, the light feather sinks like a stone, Sadko realises that he must descend into the ocean where Volkhova, the Princess of the Sea, awaits him.

Sadko parts with his companions, picks up his psaltery and lowers himself into the waters on an oak board. There is a new wonder. Wind fills the sails, the ship gathers up speed and disappears into the night. Meanwhile Sadko descends into the waters.

Scene Six. As darkness gradually disperses, the crystal palace of the Sea King in the ocean depths is seen. The Sea King and his Queen are seated on their thrones. Meanwhile Princess Volkhova spins sea weed and the Maidens of the Sea braid wreaths of sea flowers.

Sadko arrives in a conch shell. He is upbraided by the Sea King for neglecting to pay him tribute in the twelve years that he has been sailing the seas. However the Princess intercedes, and allays her father's wrath.

The Sea King bids Sadko to display his skill. Sadko plays the psaltery and sings a beautiful song. The Sea King likes Sadko's singing and at once decides to marry his youngest daughter to him. He summons all the denizens of the ocean to attend the wedding.

At the Sea King's request Sadko plays a dance. At first it is slow and stately. Then little by little it grows wilder and wilder. Finally, the King and Queen themselves take part in the dance, thus unchaining hurricanes on the surface of the sea. Sinking ships are glimpsed through the transparent walls of the Sea King's Palace.

Suddenly, a legendary character, the old and mighty Pilgrim, appears. With a blow of his leaden staff he strikes Sadko's psaltery from his hands. This stops the dance as it by magic. The Pilgrim deprives the Sea King of his authority and commands Sadko and Princess Volkhova to rise up to the surface. The scene ends as the "blue seas" theme fades.

Scene Seven. Sadko is asleep on the shore of Lake Ilmen. Princess Volkhova watches over him singing a sed lullaby meanwhile ("Sleep the shore did stride"). Her lullaby is warm and human and is full of profound affection for Sadko.

At the Pilgrim's command Volkhova sacrifices herself for the sake of the happiness of Sadko and his home town. She disperses as a morning mist and transforms herself into the Volkhov river.

Sadko awakes and hears the voice of his wife Lyubava. The spell that the Kingdom of the Ocean cast upon Sadko is broken. He happily welcomes his wife.

Sadko's ships come up the Volkhov river and his men step ashore. His troops and the populace of the city hail Sadko. Then Sadko describes his voyages, the Kingdom of the Ocean, the old mighty Pilgrim who pacified the storm, deprived the Sea King of his crown and gave the city Novgorod a navigable river. The opera closes with an anthem to the old Pilgrim, the Blue Seas and the Volkhov River.

In the form of what seems at cursory glance a naive fairy-tale, Rimsky-Korsakov has presented a work of profound import. Boldly opposing conservatism and undaunted by danger of peril. Sadko and his companions chart new routes to distant lands whose markets the city of Novgorod needs so much.

Personified by the composer in Sadko and his companions is an ardent patriotism, only one that is active and capable of overcoming every obstacle.

N. RIMSKY-KORSAKOV (1844—1908)

SADKO

Opéra-byline en 7 tableaux

En 1867, N. Rimsky-Korsakov composait un poème symphonique sur un sujet tiré d'une ancienne byline (chanson épique russe) de la région de Novgorod, qu'il intitulait «Sadko». Et presque trente années plus tard il reprenait la légende de Sadko pour en faire un opéra, cette fois-ci.

Le compositeur commença à travailler à cet opéra-byline (c'est le sous-titre que Rimsky-Korsakov avait donné à Sadko) au cours de l'été 1894 et il y consacra plus de deux années. Il termine la partition en automne 1896 et la première a lieu le 26 décembre 1897 à l'opéra S. Mamontov, à Moscou.

Le livret de l'oeuvre s'inspire de versions différentes de bylines contenant les exploits du hardi navigateur Sadko, originaire de Novgorod, de légendes consacrées à Volkh Vséslavitch, au Roi de la Mer et à Vassilissa-la-Sage, ainsi qu'à d'autres personnages de l'antique poésie russe. Comme le compositeur l'a indiqué lui-même, l'action se situe «à cette époque semi-légendaire, semi-historique qui voit le christianisme s'introduire à Novgorod, alors que les anciennes croyances païennes sont encore solidement ancrées dans les esprits».

En donnant le nom de «Sadko» à son opéra-byline Rimsky-Korsakov ne se bornait pas à indiquer qu'il avait emprunté le sujet aux chants épiques russes. Tout dans cet opéra, l'action dramatique aussi bien que le langage musical, s'accorde à traduire son caractère épique. Les scènes de la vie de l'ancienne Russie défilent sans hâte devant le spectateur, avec la lenteur propre aux contes populaires, et des prodiges extraordinaires se succèdent. Une des originalités de «Sadko», est une large place accordée à un genre particulier de récitatif, à propos duquel Rimsky-Korsakov écrit: «Ce récitatif n'est pas la langue parlée, c'est une sorte de langage conventionnel et traditionnel de rigueur dans la byline ou le chant du barde...»

De même que dans tous ses autres opéras fantastiques, Rimsky-Korsakov utilise dans «Sadko» de divers procédés musicaux pour peindre le monde merveilleux des prodiges et la vie des personnages légendaires. Nous faisons connaissance avec la vie de Novgorod à travers le langage populaire des légendes épiques et la réminiscence des mélodies du folklore. La magie du monde sous-marin est évoquée par une débauche de sonorités d'une recherche exquise, par une écriture orchestrale d'un coloris éclatant. Et en dépit du contraste qui se révèle entre la peinture musicale du monde terrestre, et celle du merveilleux royaume sous-marin, Rimsky-Korsakov a réussi avec «Sadko» une oeuvre musicale d'une cohésion rare.

«L'OCEAN AUX FLOTS BLEUS». Introduction

La musique de l'introduction se modèle autour du leitmotiv de la mer. Elle évoque le souffle mesuré, lent et apaisé des vagues, la tranquillité puissante de l'océan, où peut soudain s'éclater la tempête, et les éléments déchaînés s'affrontent alors de toute leur force terrible.

Premier tableau. Des marchands dont la renommée est grande se sont rassemblés autour de tables de chêne massif, chargées de mets et de vins et dressées dans une salle richement décorée. Il y a là les premiers notables de la ville, les doyens de Novgorod Foma Nazaritch et Louka Zinovitch. Le chœur des marchands, solennel et joyeux à la fois, glorifie la liberté des citoyens de Novgorod. Le joueur de gousli, Nėjata, s'accompagnant de son instrument, chante la byline qui relate les exploits du preux Volkh Vséslovitch de Kiev. Le propos plein de majesté de Nėjata est un exemple du récitatif épique, dont parlait Rimsky-Korsakov.

Les invités remercient le joueur de gousli de Kiev pour son chant. Mais qui chantera maintenant la ville de Novgorod et ses richesses? C'est alors qu'entre dans la salle le joueur de gousli de Novgorod, Sadko; voilà qui peut chanter aux marchands la gloire de leur ville et leurs «coffres pleins d'or». Mais Sadko n'est pas venu trouver les marchands pour louer leurs richesses.

Il projette depuis longtemps une audacieuse entreprise, il veut prendre la mer et mettre le cap sur de lointains pays en chargeant les navires des marchandises russes. Si son dessein est hardi, il n'est guère facile à réaliser, car la cité de Novgorod ne disposait pas à cette époque de fleuve navigable. Pour armer des bateaux, il faut des «coffres pleins d'or».

Notre pauvre joueur de gousli ne possède rien; mais les riches marchands de Novgorod en ont à profusion, et c'est à eux que Sadko s'adresse.

La harangue de Sadko, calquant le rythme mesuré des bylines, est vigoureuse et passionnée.

Les orgueilleux marchands ne veulent pas écouter Sadko, ils dédaignent ses conseils. «Novgorod vit selon les traditions du passé» et ce n'est pas à un homme comme Sadko de changer quoi que ce soient ses anciens usages. Sadko voit qu'il est vain d'essayer de faire partager ses plus chères idées aux marchands, ses rêves audacieux ne trouveront pas appui auprès d'eux. Il décide donc de ne plus chanter aux banquets des notables de Novgorod, mais de con-

sacrer ses chansons au lac Ilmen et aux rivières étincelantes et limpides. Les réjouissances continuent après le départ de Sadko. Les bouffons Douda, Sopel et d'autres encore chantent et dansent, se moquant de Sadko, auquel il ne reste plus maintenant que «pousser une chanson pour les poissons».

Deuxième tableau. Par une nuit claire, nous sommes sur les bords du lac Ilmen. Un rocher blanc surplombe le lac. L'orchestre exécute une mélodie frémissante, inquiète, qui nous introduit dans la poésie de la nuit et dans le «merveilleux», amorçant les prochains prodiges.

Sadko apparaît; il s'assoit sur le rocher blanc et, dans la mélodie: «O toi, sombre chênaie», confie au lac toute l'amertume qui lui inspire sa destinée. Et le lac Ilmen semble entendre sa plainte: les roseaux se mettent à bruire, les eaux du lac s'agitent, et Sadko voit surgir tout un groupe de cygnes blancs et de canes grises, nageant dans sa direction. Ces oiseaux se transforment soudain en belles jeunes filles qui sortent sur la rive. C'est Volkhova, une belle princesse de la Mer, ses soeurs et ses amies. La musique s'irise de tous les coloris pour dépeindre ce spectacle magique, cette merveilleuse apparition de Volkhova.

Il y a longtemps que Volkhova écoutait des profondeurs du lac Ilmen les chants du joueur de gousli. Elle le prie maintenant d'exécuter une chanson gaie. Sadko entonne un air de ronde. Les soeurs de la jeune princesse dansent et Volkhova s'assoit auprès de Sadko, lui tressant une couronne de fleurs. Dans un duo Sadko et Volkhova s'avouent leur amour mutuel.

Mais l'aube est proche. Avant de quitter le jeune homme Volkhova lui laisse un présent enchanté, un filet qu'il lui suffira de jeter dans le lac Ilmen pour pêcher trois poissons aux écailles d'or. Sadko s'en va et de belles jeunes filles reprennent leur apparence de cygnes blancs et de canes grises.

Troisième tableau. Nous sommes maintenant dans une chambre de la maison de Sadko. L'heure est très matinale, la jeune femme de Sadko Lioubava Bouslaïevna est à la fenêtre. Elle a attendu son mari toute la nuit, on a déjà sonné pour la messe, et il n'est toujours pas rentré. Il ne pense plus à elle, il l'a oubliée, c'est sûr. Les paroles de Lioubava sont empreintes d'une profonde tristesse. Mais voilà qu'elle aperçoit de sa fenêtre Sadko qui revient, et c'est avec une exclamation joyeuse qu'elle accueille son mari. Cependant, Sadko écarte Lioubava, son esprit est plein du souvenir de la nuit écoulée. La musique répète les thèmes de Volkhova et de ses compagnes. «La nuit est saturée de parfums... les roseaux bruissent, des cygnes blancs apparaissent... une vierge d'une beauté merveilleuse»,— murmure Sadko. Lioubava s'étonne de ces étranges discours. Se souvenant de la promesse de Volkhova, Sadko décide de se rendre sur la place du marché et de parier qu'il y a des poissons aux écailles d'or dans le lac Ilmen.

Quatrième tableau. Le quatrième tableau débute par une peinture de la vie des rues de l'ancien Novgorod. Une foule bariolée circule sur la place marchande non loin des quais. Les habitants de Novgorod, entourant les voyageurs étrangers, examinent les marchandises étonnantes qu'ils ont apportées. Une musique alerte traduit l'animation affairée de la foule. Des pèlerins psalmodient de sombres et tristes poèmes relatant la dispute qui oppose la Vérité au Men-

songe. Ils sont interrompus par les pitreries et les farces des bouffons qui chantent des ritournelles aux accents d'un joyeux air de danse. Mais voilà qu'apparaissent les doyens, salués par les habitants. Nėjata, jouant de son instrument, célèbre la ville de Novgorod. Tout ceci constitue un tableau extrêmement vivant et coloré.

Au plus fort des réjouissances Sadko arrive sur la place marchande. Un rire général accueille téméraire joueur de gousli, qui s'est mis en tête de faire la leçon aux riches marchands. Il aborde carrément les doyens et leur dit: «Je connais la merveille des merveilles, je sais que le poisson aux écailles d'or habite le lac Ilmen». Les doyens ne croient pas aux paroles de Sadko. Celui-ci leur propose alors un pari: sa tête à couper contre les boutiques bien garnies des doyens. Ceux-ci acceptent le défi car jamais personne n'a vu de poissons d'or dans le lac Ilmen.

On équipe un bateau, les doyens, Sadko et quelques personnes encore quittent le rivage et vont jeter les filets. La voix de Volkhova se fait entendre au-dessus des eaux: «Tu vas pêcher les poissons d'or, tu seras riche et heureux». Les filets sont ensuite hissés et Sadko retire trois poissons aux écailles d'or. Mais ceci n'est qu'un début et sous les yeux médusés de l'assistance, toute la pêche se transforme en barres d'or.

Le peuple chante louange à Sadko. A son appel sa troupe d'armes sort de la foule; elle va partir avec lui pour un voyage au long cours plein de dangers. Le joueur de gousli, Nėjata, compose une nouvelle byline sur Sadko et le prodige du lac Ilmen. Les bouffons qui se gaussaient de lui tout à l'heure, dirigent maintenant leurs facéties contre les doyens, qui sont devenus les plus pauvres d'entre les pauvres. Mais le généreux Sadko leur rend leurs boutiques.

Pendant que ses hommes s'affairent à armer les navires, Sadko demande aux marchands étrangers de lui parler de leur pays. L'hôte varègue décrit son austère et froide patrie. Le chant ensorcelant de l'hôte indien, teinté de fantasmagiques mélodies orientales, dépeint les merveilles de l'Inde lointaine. L'hôte vénitien célèbre la belle ville de Védénets (Venise) par un chant qui respire la joie et l'allégresse («Cité merveilleuse, cité heureuse»).

Puis arrive l'instant du départ; Sadko fait ses adieux aux habitants de Novgorod, à Lioubava et entonne la chanson: «Hauteurs, hauteurs célestes», reprise en chœur par la troupe de Sadko et le peuple de Novgorod. L'un après l'autre, les navires lèvent l'ancre, et le chant «Hauteurs» résonne avec une force croissante, se transformant à la fin de cette scène en un hymne puissant à la gloire de la mer.

Cinquième tableau. La mer est calme. Le navire de Sadko s'est immobilisé, les voiles affaissées. L'équipage ne peut contenir sa stupéfaction: les autres bateaux filent toutes voiles dehors et seul celui de Sadko demeure sur place. Les offrandes jetées au Roi de la Mer n'y font rien: des tonnelets pleins d'or, d'argent, de perles fines ont été envoyés par-dessus le bord. Le Roi de la Mer désire apparemment un sacrifice humaine. L'équipage se prépare à tirer au sort, inscrivant les noms de chacun; pour Sadko on choisit un gage particulier, un épi de houblon. A peine a-t-il effleuré la surface de l'eau que l'épi léger coule à pic. Sadko comprend qu'il lui faut descendre au fond de la mer, que la prin-

cesse Volkhova l'y attend. Il dit adieu à ses hommes, prend ses gousli et reste en pleine mer debout sur une planche de chêne. Un nouveau prodige a lieu alors: les voiles se gonflent aussitôt, le bateau s'ébranle et disparaît rapidement dans le crépuscule qui tombe, pendant que Sadko descend dans les abîmes marins.

Sixième tableau. Un palais d'azur transparent surgit peu à peu de l'obscurité. Le Roi et la Reine de la Mer occupent leurs trônes, Volkhova file, ses compagnes tressent des couronnes d'algues marines et de fleurs. Sadko arrive au fond de la mer sur une coquille. Le Roi lui fait un accueil sévère: cela fait 12 ans que Sadko sillonne les mers sans lui payer de tribut. Volkhova apaise la colère de son père. Et le Roi de la Mer prie Sadko de lui montrer ce dont il est capable. Sadko, s'accompagnant de gousli, interprète un chant de glorification.

La façon de chanter de Sadko plaît au Roi de la Mer. Il décide sur-le-champ d'en faire le mari de sa fille cadette, et il convoque aux noces tous les habitants de la mer. Sur la demande du Roi Sadko joue un air de danse. Au début celui-ci est tranquille et mesuré, puis le rythme s'accélère, enfin le Roi et la Reine se mettent aussi à danser. La ronde endiablée éveille une tempête à la surface de la mer. On voit les vaisseaux sombrer à travers les murs transparents du palais. Au plus fort des ébats survient Startchichtché, le preux à une force herculéenne. D'un coup de sa lourde massue il fait sauter les gousli des mains de Sadko. La danse s'arrête aussitôt. Il prive alors le Roi de son pouvoir sur la Mer et ordonne à Sadko et à Volkhova de remonter à la surface. Ce sixième tableau s'achève sur une réminiscence du thème de l'océan aux flots bleus.

Septième tableau. Sadko dort sur le rivage du lac Ilmen. Penchée sur lui Volkhova fredonne une triste berceuse: «Le sommeil errait sur la berge», une mélodie ardente et humaine dans laquelle s'exprime son grand amour pour Sadko. Sur l'ordre de Startchichtché elle se sacrifie au bonheur de Sadko et de sa ville natale: elle se transforme tout d'abord en brume matinale puis devient rivière.

Sadko s'éveille et entend la voix de Lioubava. Le pouvoir magique du royaume sous-marin n'agit plus sur lui, il est tout heureux de revoir sa femme. Les navires de Sadko remontent la rivière Volkhova. Sa compagnie descend sur le rivage. Ses hommes ainsi que les habitants de Novgorod souhaitent la bienvenue à Sadko, qui raconte ses voyages, décrit le royaume sous-marin, parle de Startchichtché, le preux à une force herculéenne qui a calmé la tempête, a privé le Roi de la Mer de son pouvoir et a donné un fleuve navigable à la ville de Novgorod. L'opéra-byline s'achève sur un chant de gloire au puissant Startchichtché, à la mer bleue et à la rivière Volkhova.

Sous forme de conte, à première vue naïf, Rimsky-Korsakov est parvenu à une œuvre très profonde. Combattant hardiment les routines, intrépide devant les dangers qui le menacent, Sadko et sa compagnie ouvrent de nouvelles routes vers les pays lointains, ces routes dont sa ville natale a tant besoin. Les personnages de Sadko et de sa troupe incarnent l'amour de la Patrie, un sentiment actif et vigoureux qui renverse tous les obstacles.

Внешторгиздат. Зак 798 Р/1176

«Пяргале», Вильнюс

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
1 (8 сторон)
33НД-01480(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844-1908)
Opera-Bylina "SADKO"
Introduction—"Blue Ocean-Sea"
Scene 1. In the house of the fraternity in Novgorod
G. NELEPP (Sadko), E. ANTONOVA (Nezhata)
T. CHERNYAKOV (1st Abbot)
S. NIKOLAU (2nd Abbot)
S. KOLTYPIN (Duda), A. PEREGUDOV (Sopel)
BUFFOONS—Bolshoi Theatre
soloists, Chorus and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
2 (8 сторон)
33НД—01481(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844—1908)
Opera-Bylina "SADKO"
Scene 2
On the lake Ilmen shore
G. NELEPP (Volkhova)
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
3 (8 сторон)
33НД—01482(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844—1908)
Opera-Bylina "SADKO"
Scene 2 (end). Scene 3
Sadko's tower-room
G. NELEPP, E. SHUMSKAYA
V. DAVYDOVA (Lyubava)
S. KRASOVSKY (Sea tsar)
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
4 (8 сторон)
33НД-01483(a)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844-1908)
Opera-Bylina "SADKO"
Scene 4
The Novgorod landing pier
G. NELEPP, E. SHUMSKAYA, E. ANTONOVA
T. CHERNYAKOV, S. NIKOLAU
S. KOLTYPIN, A. PEREGUDOV
Wizards, cripples and beggars
Bolshoi Theatre Soloists, Chorus
and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV

33НД-01483/1-

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
5 (8 сторон)
33НД—01484(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844—1908)
Opera-Bylina "SADKO"
Scene 1 (end)
G. NELEPP, V. DAVYDOVA, E. ANTONOVA
M. REIZEN (The Viking guest)
I. KOZLOVSKY (The Indian guest)
P. LISITSIAN (The Venetian guest)
T. CHERNYAKOV, S. NIKOLAU
S. KOLTYPIN, A. PEREGUDOV
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
6 (8 сторон)
33НД—01485(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844—1908)
Opera-Bylina "SADKO"
Scene 5. Sadko's ship. Scene 6
The underwater kingdom
G. NELEPP, E. SHUMSKAYA, S. KRASOVSKY
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV

33НД01485/1-3

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК

▽33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
7 (8-сторон)
33НД-01486(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844-1908)
Опера-Bylina "SADKO"
Scene 6 (end)
G. NELEPP, E. SHUMSKAYA, S. KRASOVSKY
I. BOGDANOV (Vision)
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
МЕЛОДИЯ
ВСЕСОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
△33

АПРЕЛЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЗАВОД

ТУ-43.10.1.74
8 (8 сторон)
33НД—01487(а)

MADE IN USSR
Вторая гр.

Н. РИМСКИЙ-КОРСАНОВ
Опера-былина «САДКО»
N. RIMSKY-KORSAKOV (1844—1908)
Opera-Bylina "SADKO"
Introduction—"Wedding cortege"
Scene 7. The lake Ilmen shore
G. NELEPP, E. SHUMSKAYA, V. DAVYDOVA
E. ANTONOVA, T. CHERNYAKOV, S. NIKOLAU
S. KOLTYPIN, A. PEREGUDOV
Cripples, beggars—
Bolshoi Theatre Soloists, Chorus
and Orchestra
Conducted by N. GOLOVANOV